

Содержание

От составителя	3	
ИСТОРИЯ		
Реставрация	12	
При дворе	19	
Дела государственные	34	
Война	46	
Сражение	51	
Чума	58	
Пожар	63	
БЫТ И НРАВЫ		70
Улица	70	
Развлечения	73	
Церковь	88	
Наука и образование	96	
Предрассудки	104	
Из дальних странствий возвратясь...	111	
Курьезы	118	
ЧЕЛОВЕК		
Дом и соседи	123	
Дела семейные	133	
На службе у короля	153	
Досуг	166	
Книгочей	166	
Ценитель изящных искусств	172	
Театрал	177	
Музыка и танцы	183	
Застолье	192	
Щеголь	197	
Сватовство	200	
Философ	208	
ПЕРСОНАЛИИ	212	

От составителя

За годы бесцензурной печати в переводной литературе (и развлекательной, и серьезной) ликвидировано довольно много белых пятен. Для русскоязычного читателя в английской литературе одним из таких пробелов, безусловно, были дневники Сэмюэла Пипса (1633–1703), современника Английской революции XVII века, Реставрации, трех морских войн с Голландией, Славной революции, очевидца казни Карла I, протектората Кромвеля, лондонского пожара, чумы — той эпохи, про которую английский философ Томас Гоббс писал, что если обозреть всю человеческую историю и расположить людские поступки по шкале жестокости и беззакония, то наивысшая степень безумства была достигнута человечеством в Англии между 1640 и 1660 годами.

Свидетелем и дотошным хроникером последствий английских «жестокости и беззакония», которые, как мы хорошо теперь знаем, давно уже не являются «наивысшей степенью безумства» в мировой истории, и стал крупный чиновник Адмиралтейства Сэмюэл Пипс, чьи многотомные дневники

остались в истории литературы явлением, не менее значительным, чем, скажем, дневники братьев Гонкуров, Зинаиды Гиппиус, Сомерсета Моэма или Анны Франк. Не будучи профессиональным литератором, Пипс тем не менее отлично вписался в историю английской литературы, стал таким же неоспоримым явлением литературной эпохи, как Беньян и Батлер, Драйден и Конгрив. Пипса, подвергнувшего весьма резкой, нелицеприятной критике изнеженную и продажную эпоху Реставрации Стюартов, когда жить стало если не лучше, то уж точно веселее, проходят в английских и американских школах, изучают в университетах, постоянно цитируют и переиздают. В XX веке, с его подчеркнутым интересом к документальной прозе, рейтинг Пипса повысился еще больше.

Разумеется, стойкий интерес к бытописателю середины XVII века объясняется отнюдь не только увлечением историей или расцветом документалистики. Как личность, да и как литературное явление, Пипс подкупает причудливым сочетанием наблюдательности, иронии (от скрытой, едва заметной, до едкой, язвительной; объектом этой иронии нередко становится и он сам), с наивной, в чем-то даже трогательной неспособностью постичь, отчего это чиновники воруют и берут взятки, а списанные на берег матросы, что верой и правдой послужили отечеству, остаются без средств к существованию; отчего во время пожара не пекутся о спасении домов и церквей, а при дворе занимаются отнюдь не

только государственными делами. Подобная наивность (нередко, впрочем, наигранная), чисто просветительское стремление к идеалу вопреки всему не оборачиваются в дневниках назидательностью: Пипс наблюдает, делает выводы — часто весьма неутешительные, однако, в отличие от своего современника и приятеля, также автора известных дневников Джона Эвелина (1620—1706), отличающегося строгостью, непререкаемостью суждений, почти никогда не впадает в нравоучительный, дидактический тон. И в этой связи обращает на себя внимание еще один любопытный — в духе времени — парадокс Сэмюэла Пипса. Целеустремленный, пытливый, добросовестный, честолюбивый во всем, что касается службы, дела, карьеры, он демонстрирует чудеса легкомыслия и суетности «в свободное от работы время». Автор дневников может участвовать в заседании Военного совета, требовать пенсий для вдов погибших моряков, отдавать во время пожара распоряжения самому лорду-мэру — а может волочиться за горничной, ночи напролет играть в карты, с жаром обсуждать светские сплетни, часами с упоением беседовать о черной магии и привидениях, распевать допоздна песни, самозабвенно предаваться чревоугодию и возлиянию, простоять полдня на ветру и в грязи, чтобы первым увидеть, как въезжает в Лондон русское посольство («...видел свиту в длинных одеждах и меховых шапках — красивые, статные, у многих на вытянутой руке ястребы...»), или же отправиться

в церковь с единственной целью продемонстрировать миру свой новый камзол или завитой парик...

Любовь к жизни. Этим, порядком истасканным, словосочетанием лучше всего, пожалуй, определяется «мотивация», как мы бы теперь сказали, литературных опытов крупного чиновника лондонского морского ведомства, человека в высшей степени практичного, а порой и циничного, оборотистого, всегда хорошо знающего свою выгоду — и вместе с тем увлекающегося, романтического, порой даже сентиментального. «Меня поразило до глубины души», «никогда в жизни не видел ничего подобного» — этими и прочими схожими восклицаниями пестрят все одиннадцать объемистых томов дневниковых записей Сэмюэла Пипса. О чем бы Пипс ни повествовал (не в этом ли состоит особое обаяние его мемуаров?), он всегда пишет без тени стеснения, с поразительной — даже для дневника — откровенностью и непосредственностью. Написанные живо, темпераментно, литературно не отшлифованным (в отличие от того же Эвелина), порой даже довольно неряшливым языком, дневники в литературном, эстетическом отношении никак не вписываются в рамки орнаментального, прециозного стиля эпохи Реставрации с его длинными, усложненными периодами, риторической приподнятостью, тягой к экзотике, неизменным морализаторством.

Все это, вместе взятое, и определяет, по всей видимости, непреходящую художественную и чело-

веческую ценность, завидную «живучесть» дневников Сэмюэла Пипса.

Сын лондонского портного, Сэмюэл Пипс, благодаря недюжинным способностям, трудолюбию и дальновидности, а также протекции своего двоюродного дяди и патрона, могущественного Эдварда Монтегю, графа Сандвича (в дневниках он фигурирует как «мой господин»), занимавшего равно высокие государственные посты как при Кромвеле, так и при Карле II, — дослужился до «степеней известных». Окончив лондонскую школу святого Павла, а затем колледж Магдалины в Кембридже (этому колледжу он и завещал свои дневники), Пипс на первых порах служит мелким клерком Казначейства (1655—1660), затем, в течение четырнадцати лет, с 1660 по 1673 год, занимает ответственный пост в Военно-морской коллегии («Морском управлении», как он ее называет). С 1673 по 1679-й Пипс является секретарем Адмиралтейства, а с 1684 по 1689-й, вплоть до восшествия на престол Вильгельма Оранского, — секретарем короля (то есть министром) по военно-морским делам. Кроме того, Пипс дважды избирался в парламент (1673—1679 и 1685—1688), с 1665 года состоял членом, а с 1684 по 1686-й — президентом Королевского научного общества; дважды, в 1679 году, по обвинению в «католическом заговоре», и в 1688-м, в преддверии дворцового переворота, получившего в истории название «Славная революция», отсидел в Тауэре и чудом избежал казни. Быть может,

именно Сэмюэлю Пипсу, убежденному государственнику, чиновнику безусловно талантливому, осмотрительному и прозорливому, обязана Англия своим морским могуществом. Благодаря стараниям Пипса, которого еще при жизни прозвали «Нестором флота», английский флот не только увеличился вдвое, но и оснастился «по последнему слову техники», что позволило Британии в конечном счете взять верх над голландцами, а в дальнейшем и над французами и на протяжении столетий безраздельно «править морями».

Сэмюэл Пипс находился не только в центре политической, но и научной, культурной жизни Англии второй половины XVII века. Среди его друзей были физики Исаак Ньютон (имя Пипса стоит на титульном листе ньютоновских «Начал») и Роберт Бойль, писатель Джон Драйден и архитектор Кристофер Рен. Со свойственными ему любознательностью, пытливостью, неистощимой тягой к знаниям, которая, к слову, столь же причудливо, «по-пипсовски», сочетается с поистине средневековыми суеверием, легковерием и невежеством, Пипс всегда был в курсе важнейших научных открытий, неумоимо и активно участвовал в уличной, светской, культурной и общественной жизни Лондона: он постоянно бывает при дворе, на театральных премьерах, много читает, отлично знает литературную и музыкальную жизнь столицы. Пипс не только ценитель и «потребитель» искусств, но и творец: он пишет картины, музи-

цирует, берет уроки танцев и пения, сочиняет стихи.

А также бегаёт за каждой юбкой, занимается с женой арифметикой, берет взятки, выступает в парламенте, искусно лавирует между сильными мира сего, неизменно доказывая, что нет таких крепостей, которые бы не могла взять личность гармоничная, многогранная. Вся эта разнообразная деятельность нашла отражение в его дневниках, которые Сэмюэл Пипс скрупулезно, изо дня в день вел на протяжении неполных десяти лет, с 1 января 1660 по 31 мая 1669 года, когда ему показалось, что он слепнет. В целях безопасности (у Пипса, вольнодумца и волокиты, были все основания бояться как гнева короля, так и ревности жены) он пользовался особым шифром по системе Томаса Шелтона, прочесть который удалось лишь в начале XIX века в результате многолетней и кропотливой работы, проделанной текстологом Джоном Смитом в библиотеке колледжа Магдалины. Дневники, которые насчитывают в общей сложности около полутора миллиона слов, были впервые изданы в сокращенном виде лордом Брейбруком в 1825 году и впоследствии неоднократно переиздавались. На сегодняшний день в Англии и США изданы и переизданы и многотомный «большой Пипс», и двухтомный «малый Пипс», а также множество всевозможных извлечений из Пипса, куда вошли наиболее интересные, характерные страницы его гигантского дневника, который в силу очевидных исторических

параллелей — события и нравы 90-х годов конца XX века в России и 60–70-е годы XVII века в Англии имеют немало общего — может показаться российскому читателю небезынтересным, в чем-то даже поучительным.

Включенные в эту книгу дневниковые записи разделены нами по тематическому принципу на три основных раздела: «История», «Быт и нравы», «Человек», а каждый раздел, в свою очередь, — на подразделы. Так, в разделе «История» имеются подразделы: «Реставрация», «При дворе», «Дела государственные», «Война», «Пожар», «Чума». В разделе «Быт и нравы» — «Улица», «Развлечения», «Церковь» и т. д. В разделе «Человек», где главным действующим лицом является сам Пипс, — «Дом», «Дела семейные», «На службе у короля», «Досуг». Последний же подраздел содержит в себе даже подподразделы: «Книги», «Застолье», «Щеголь», «Сватовство» и прочие. Схематизм, искусственность подобной систематизации очевидны, вдобавок иногда нарушается хронология событий: лондонский пожар, к примеру, датируется, по Пипсу, началом сентября 1666 года, а начало первой войны с Голландией — июнем 1665 года, в нашей же книге события эти расставлены, так сказать, по «степени исторической значимости» в контексте дневников — однако объясняется подобная композиционная вольность тем, что читателю, даже подготовленному, предстоит первое знакомство и с самим Пипсом, и с его эпохой, а в этом случае

тематический принцип представляется нам более предпочтительным. Примечания даются постранично. Комментарии о многочисленных исторических персонажах, а также частных лицах, наиболее часто встречающихся в тексте дневников, выделены в отдельную рубрику «Персоналии» и приводятся в конце книги в алфавитном порядке.

А. Ливергант